

Нова Україна
інститут стратегічних досліджень

Изменения в партийно-политической архитектуре Украины

Авторы: Ю.Надтока, А.Левиун, Д.Ермолаев

*Киев
Август - 2016*

Содержание

<i>1. «Трансформационный» период развития партийной системы в Украине</i>	<i>3</i>
<i>2. Новый этап политической структуризации</i>	<i>6</i>
<i>3. Электоральный потенциал новых сегментов политической архитектуры</i>	<i>9</i>

1. «Трансформационный» период развития партийной системы в Украине

После отказа от социалистического пути развития в Украине перед украинским обществом возникли новые цели, политической реализацией которых занялись новые политические партии. В кратком изложении к исполнению была принята задача отхода от плановой экономики, опирающейся на государственную собственность и государственную монополию на ресурсы, а также задача преодоления коллективистской и интернационалистской идеологии, доминировавшей в советское время. В соответствии с этим критерием и ранжировались политические партии, действующие в то время.

Основой для описания всего политического спектра Украины была «шкала дальности» от советского прошлого. Чем выше нетерпимость к социализму — тем правее размещались партии, начиная от КПУ, как наследницы УССР, и до националистов-радикалов, как ее естественных и непримиримых врагов.

Однако период идеологической определенности продлился достаточно недолго и был скорректирован реалиями общественной трансформации. Новые хозяева постсоветской экономики сформировали секторальные кластеры, оформившиеся в крупные финансово-промышленные группы. Отсутствие необходимых институтов защиты и гарантий безопасности прав собственности диктовало им обязательность получения своего партийно-политического представительства, которое было бы инструментом получения доступа к административным государственным ресурсам. Благодаря этому становилось возможным получать дополнительную ренту и поддерживать лояльность населения за счет ущемления конкурентов.

Такая логика союза государственного административного аппарата и бизнеса сформировала систему доминирующих в политической архитектуре олигархических партий. Они были представлены различными партийными брендами с незначительными фасадными отличиями. И продуцировали схожие идеологические популистские социальные программы (ради максимального охвата патерналистски настроенного электората, готового отдавать власть в обмен на обещания социального перераспределения).

Фактически конкуренция между ведущими партиями реализовывалась не на уровне качественно различных политик, а в плоскости количественного распределения в представительских органах власти, позволявшего пулу «своих» партий формировать и влиять на необходимый состав правительства. Партийная принадлежность в таком случае предполагает ставку на корпоративную гарантию возможности существования своей частной предпринимательской деятельности с монопольным доступом к административным ресурсам получения вне рыночного конкурентного преимущества. Столь вызывающая практичность стала причиной постепенной

деградации идеологических основ в деятельности ведущих украинских партий, жонглировавших ими в угоду политической конъюнктуре.

Политики довольно быстро осознали амбивалентность массового сознания в Украине, которое не поспевало за стремительностью изменений и не желало соблюдать жесткие рамки новых идеологических различий.

Перезапуск жизни постсоветского общества на правилах рынка и предпринимательской инициативы, которые автоматически схлопывали государственный сектор, привели к естественному результату — неуклонному сворачиванию системы социального обеспечения. Но, если первое вполне устраивало избирателя, то второе вызывало его настороженное неприятие. Что чуть не привело на определенном этапе к коммунистическому реваншу.

Выход из этого тупика был найден в реализации формулы «либерализм для своих, социальная ответственность — для конкурентов». Что и стало отправной точкой для построения биполярной партийной системы. На одном ее полюсе находились провластные партии, представлявшие новые господствующие группы капитала. На другом — непримиримые оппоненты, представлявшие их бизнес-конкурентов. Между ними позиционировались их ситуативные союзники. Степень напряжения в украинской политике определялась не программно-идеологическими противоречиями, а расстановкой сил и компромиссами в экономике.

В то же время на рынке претендентов на последовательную идеологичность, на котором оставались только крайне правые и крайне левые партии, события развивались очень драматично.

Правые и крайне правые политические партии продолжали заявлять претензию на заполнение сложившегося переходного «нациостроительного вакуума». Они представляли те культурно-идеологические общественные запросы, что так и не находили ответа в чересчур прагматичной украинской политике. Националисты продолжали настойчиво навязывать свое видение Украины в качестве нового не постсоветского, а принципиально не- и даже антисоветского государства с четким определением национальных интересов и подходом к содержанию национального самосознания. Нереализованность этого запроса определенных слоев украинского общества со временем привела к росту их агрессивной неудовлетворенности и склонности к общественной деструкции. Что в итоге превратилось в один из факторов дестабилизации правящих режимов в Украине как в прошлом, так и сегодня.

Вместе с тем именно радикальная монологичность и этно-языковая ограниченность по отношению к сложной социальной структуре и разнообразию укладов украинского общества, а также выраженная агрессивность и нетерпимость обрекли право-националистические проекты на

хронический политический маргинализм, не позволив им расширить свою электоральную базу.

Не менее драматичной оказалась судьба украинских левых. Они строили свои перспективы, исходя из социально-ностальгических настроений в украинском обществе. Предлагая в разной степени ревизионистские программные позиции, левые не смогли обеспечить их последовательную политическую реализацию. Столкнувшись с возрастным сокращением электората и стремительным оттоком перспективных политических кадров в несоциалистические партийные проекты, левые не смогли найти надежной национальной опоры. Они раз за разом проигрывали ресурсную гонку своим более финансово обеспеченным оппонентам. И неоднократно вступали в вынужденные и политически невыгодные альянсы. В итоге левые не смогли противостоять давлению популистской олигархической оппозиции, которая умело перехватила и освоила актуальную социальную тематику.

Таким образом, маргинализация крайних политических позиций в украинском партийном спектре привела к упадку идеологических партий и их дискредитации. Идеологические партии не смогли адекватно сформулировать и предоставить достаточно универсальный и солидарный для всего общества проект видения развития государства. Что привело к господству в Украине партийно-политического прагматизма, нашедшего отражение в двухполярной политической архитектуре страны.

2. Новый этап политической структуризации

К концу 2013 года в целом задачи постсоциалистической трансформации были решены. Партии, которые предлагали те или иные формы построения в Украине социалистического или социального государства неуклонно теряли свои позиции. Число сторонников коллективных форм обеспечения благосостояния, несмотря на социально-экономические трудности, сокращалось.

Одним из последствий этого стало формирование в Украине фактически двухпартийной политической модели. Нас не должно смущать обилие политических брендов, которое наблюдалось и наблюдается до сих пор. Каждый раз это были два политических конгломерата — условно «восточный» и «западный», которые опирались на те же конкурирующие корпорации, ангажировали уже известных политических спикеров, нанимали те же группы политических менеджеров на местах. Ребрендинг в этом случае имел сугубо символическое маркетинговое значение. «Восточный» и «западный» конгломераты сменяли друг друга у руля власти. При этом никак не менялась суть политики, которую он поочередно проводили.

Специфичность украинской двухпартийности состояла не в чередовании либерального и патерналистского курса, как это происходит в других странах. Этого не было. Власть, независимо от партийной вывески, всегда была правоцентристской. Оппозиция, в свою очередь, всегда играла на поле популистического солидаризма. Политические конгломераты, сменявшие друг друга циклически становились то либерал-реформаторами (если оказывались у власти), то социал-патерналистами (если оказывались в оппозиции), обмениваясь лозунгами и программными постулатами.

Эти качели могли продолжаться еще достаточно долгое время. Даже сейчас мы видим подобный дуализм в конфликте между правящей коалицией и «Батькивщиной». Однако ресурс для популизма постепенно исчерпался. Вместе с ним закончилось действие негласного соглашения между властью и обществом — лояльность в обмен на социальную поддержку.

Граждане начинают требовать не только социальной защиты в реальность которой они все меньше верят. На передний план выдвигаются требования обуздания коррупции, сворачивания вмешательства и контроля со стороны государства, децентрализации власти. В этих позициях раскрывается желание новых ответов на вопросы об отношениях государства и граждан, стремление к формализации нового конституционного договора между ними. Попытки партии власти все свести к очередной коррекции государственной иерархии или вовсе замять тему не встречают понимания у активной части украинского общества.

Показательно, что предметом общественных дискуссий все чаще

становятся не только конституционные разделы, касающиеся системы власти, но и базовые разделы, касающиеся основ общественного устройства и гражданских прав. Именно это на данном этапе становится фактором формирования новой украинской политической архитектуры.

На одном полюсе оказывается партия власти (БПП «Солидарность» с сателлитами), которая выступает с традиционалистски-консервативных позиций. По сути это «почвенничество» в снятом виде, в котором государство представляется как данность, а гражданство рассматривается как синоним полуфеодалского подданства.

В этой трактовке понятие «общественного договора» рассматривается, но исключительно как закрытый внутриэлитный сговор. Граждане обязаны подчиняться властям, не предъявляя к ним требований. Гражданин априори лоялен к государству, независимо от ситуации с обеспечением его прав. Значительную роль, поддерживающую эту точку зрения, играет вовлеченность Украины в ситуацию гибридной войны, которая сейчас является чуть ли не единственным фактором, обеспечивающим легитимность правления консерваторов. Власть выступает с моралистических позиций защитника суверенитета, объявив это своим базовым приоритетом, перед которым должны отступать любые «меркантильные» запросы граждан. Власть должна быть сильной и неподотчетной, ее критика со стороны общества окрашивается в тона национального предательства со всеми вытекающими последствиями.

На другом полюсе находятся либертарианцы-автономисты. Они требуют обуздания государства и власти, низведение их до уровня наемных менеджеров-технократов, основным требованием к которым должна быть эффективность реализации конкретных программ. Помимо этого во главу угла развитие практик самоорганизации и самофинансирования, установление общественного контроля и преодоление коррупции, которые должны лечь в основу дальнейших реформ. Либерализация в самом широком понимании.

Тема общественного договора принципиально меняет свое содержание и превращается в соглашение между активными организованными группам украинского общества, которые нанимают чиновников для его реализации. На сейчас это направление представлено «Самопомощью», «Хвылей» Саакашвили и экс-«Демальянсом», находящимся в процессе обновления.

Промежуточное положение между ними занимают партнер-патерналисты. Они предлагают формулу, в которой государство, а скорее, элита и общественность рассматриваются как партнеры, выполняющие каждый свою роль. Как видно, эта позиция наиболее близка к привычной трактовке общественного договора как соглашения между государством и гражданами, предполагая обмен гражданской лояльности на государственную опеку. Степень возможного вмешательства государства в жизнь общества в таком

случае полностью зависит от ресурсных возможностей государства обеспечивать потребности граждан.

Такая позиция является наиболее знакомой для населения страны, что и обеспечивает рост поддержки партий, которые выступают с такой платформой. В первую очередь, имеется в виду «Батькивщина».

Стремясь найти свое место в новой модели политической структуризации, другие политические проекты оказываются на стыках этих магистральных направлений. Такими «партиями-междометиями» являются РПЛ, «Свобода», УКРОП, которые пытаются занять свою нишу между либертарианцами и патерналистами. Они компенсируют свою программную вторичность и противоречивость готовностью к применению экстремистских практик и эпатажными презентациями. Вносят в повестку элементы гражданского анархизма.

Особое место в политической архитектуре занимает Оппозиционный блок, который на данный момент занимает пластичную позицию. Исповедуя ценности корпоративного солидаризма, ОБ, тем не менее, делает программные заявки, которые сближают их и с патерналистами, и с автономистами. Одновременно общество воспринимает ОБ как зеркальное отражение традиционалистской партии власти. Но все это не облегчает контакт партии с политическими визави. Наоборот, оказавшись заложниками своих пропагандистских кампаний, другие партии агрессивно отторгают Оппоблок. Даже несмотря на то, что задачи реинтеграции страны с необходимостью требуют возобновления политического диалога.

На сегодня это ограничивает возможности партии реализовать свой значительный электоральный потенциал и занять позицию общенационального лидерства и объединяющего политического центра. В таких обстоятельствах трудно говорить о перспективе политического реванша. Это напоминает ситуацию, в которой в свое время оказалась КПУ. Но если судьба КПУ — это объективный исторический итог, то для Оппозиционного блока это промежуточная фаза. Тем не менее, это предполагает необходимость более тщательного выбора дальнейшей партийной стратегии.

3. Электоральный потенциал новых сегментов политической архитектуры

Социальный фон политической трансформации

Формирование новой политической архитектуры в Украине происходит в условиях аморфности («размытости») социально-классовой структуры общества. Глубокий экономический кризис и обнищание населения привели к резкой дифференциации доходов, углублению социального разрыва между богатыми и бедными. Существенно сократился средний класс, появившейся в период восстановительного роста в 2000-2007 годах. По результатам опросов населения, в июле 2007 года число «зажиточных» и «богатых» респондентов суммарно составляло 9%, а сегодня (в июле 2016 г.) – только 3%.

Массовые сокращения работников в государственных учреждениях и реальном секторе экономики (прежде всего – ИТР, квалифицированных рабочих, занятых в промышленном производстве) стали причиной деклассирования населения. Многие были вынуждены сменить профессию, заняться менее квалифицированным трудом или пополнить ряды безработных. Увеличился отток квалифицированных кадров за границу. Падение покупательского спроса сильно ударило по малому бизнесу, сократилась численность мелких предпринимателей и самозанятых. Безработица, обнищание и депривация¹ населения стали источником социальной деградации (пауперизации) и маргинализации. Размывание социальной структуры украинского общества существенно ослабляет перспективы для «классовых» партий. И, наоборот, усиливает позиции партий, апеллирующих к универсальным общенациональным задачам.

Неопределенность настоящего и будущего стали источником разочарования и скепсиса. Кризис перспективы (как личной, так и национальной) сказались не только на психо-эмоциональных настроениях украинцев, но и на их политических ориентациях. Людям, с одной стороны, сложно строить целе-рациональные ожидания, выдвигать четкие требования к политическим силам в силу неопределенности собственного социального статуса. С другой стороны, в массовых настроениях доминирует недоверие к власти, политикам и политическим партиям.

Наиболее прагматичная часть избирателей («здравомыслящие обыватели») осознанно отказываются от участия в электоральных процессах (феномен абсентеизма). Последние опросы показывают, что в случае проведения внеочередных парламентских выборах явка избирателей составит менее 50%. В избирательном процессе начинают доминировать граждане с некритичным мышлением – фанатики разных взглядов, увлеченные идеями мессианства,

¹ Депривация – неудовлетворение потребностей (прежде всего – базовых).

носители радикальных настроений, те кто стремится в ходе голосования выплеснуть свое недовольство.

Некритичное мышление и эмоциональная заряженность делает избирателей легкой добычей для манипуляторов и популистов. Казалось бы, постмайданные события должны были заставить граждан мыслить рационально-критически, более взвешенно и прагматично подходить к электоральному выбору. Однако крушение революционных мифов и кризис доверия к вождям революции не привел к рационализации политического сознания. Избиратели прагматичного склада перестают интересоваться политикой, дистанцируются от нее. А те, кто остается в электоральном процессе, предпочитают искать новых мессий и охотно отдаются во власть новых мифов. Экономический и политический кризис только подстегивает радикализацию настроений, психоэмоциональную неуравновешенность и внушаемость электората. Подверженность массового сознания манипуляциям создает предпосылки для установления «медийной диктатуры»; преимущество в обществе получают те политические силы, в распоряжении которых находятся мощные медийные инструменты (СМИ).

Социальная база новой политической архитектуры

Размытость социальной структуры и иррационализация массовых настроений влияют на формирование новой политической архитектуры. Опору политических сил составляют не столько социально-классовые группы населения, а скорее носители определенных настроений. Иными словами, партии скорее пытаются оседлать определенные тренды настроений. Эксплуатируя различные страхи и недовольства, политики часто предлагают электорату способы, как можно выплеснуть (канализировать) негативные эмоции или избежать проблемы, а не стратегии по системному решению проблем.

Традиционалисты-консерваторы: Блок П.Порошенко «Солидарность» и партии сателлиты («Народный фронт» и др.)

Традиционалисты-консерваторы эксплуатируют патриотические настроения, а также страхи перед угрозой полномасштабной агрессии (войны) со стороны России. Используется мобилизационная риторика о необходимости всем украинцам сплотиться для борьбы с внешней угрозой. Критика в адрес правительства и Президента объявляется российской пропагандой; кто выказывает недовольство властью, ее неэффективностью, коррумпированностью объявляется пособником врага, сепаратистов.

В массовое сознание настойчиво навязывается точка зрения о том, что только от власти зависит безопасность в Украине, а также прекращение войны на Донбассе. Именно власть ведет войну с российским агрессором, ведет переговоры об урегулировании конфликта. Критиковать власть – значит

подрывать безопасность страны, подрывать процесс мирного урегулирования. Уличать власть в коррупции, значить лишить страну возможности получить жизненно необходимые кредиты МВФ. Отсюда вывод: украинский народ должен вытерпеть невзгоды и выстоять вместе с нынешней властью, пока не победит.

Партия власти располагает мощной пропагандистской машиной, имеет возможность масштабно влиять на массовое сознание используя инструменты медиа, эксплуатируя тему национальной мобилизации, борьбы с врагом.

Либертарианцы-автономисты (партии «Самопомич», Партия Михаила Саакашвида, «Гражданская позиция», «Демальянс» и др.)

Эти партии апеллируют к тем гражданам, которые полагают, что задачи революции 2014 года («Евромайдана») остались нереализованными. Иными словами, речь идет о тех, кто считает, что либерально-демократическая революция осталась незавершенной. При этом решение задач по демократизации, либерализации и деолигархизации украинского общества понимается как «революция снизу», поневоле провоцируя антисистемные, анархические ожидания. Новые государственные институты воспринимаются по аналогии с волонтерским движением: они должны основываться на самоинициативе, самоорганизация и самоуправлении граждан.

Кризис доверия к новой (появившейся после «Евромайдана») центральной власти породил мощные центробежные тенденции. Киев (центральная власть) многими воспринимается как источник различного рода проблем и угроз (военных, коррупционных, недофинансирования и т.п.). В массовых настроениях возникло стремление обособиться, отгородиться от этих проблем и рисков. В этом контексте автономные территориальные громады стали восприниматься как альтернатива нынешней системе власти, показавшей свою неэффективность.

Таким образом, либертарианцы-автономисты пытаются оседлать два взаимосвязанных тренда в массовом сознании: запрос на продолжение либерально-демократической революции и стремление дистанцироваться от угроз, которые генерирует центральная власть. Эта политическая сила опирается на поддержку неолигархического предпринимательского класса и местных элит; они же образуют кадрово-организационный ресурс либертарианцев. Кроме того, либертарианцы-автономисты могут рассчитывать на поддержку Запада, поскольку в своей риторике апеллируют к классическим либеральным ценностям.

Партнер-солидаристы («Батькивщина», Радикальная партия О.Ляшко, «Свобода»)

Партнер-солидаристы опираются на недовольство властью и протестные настроения обнищавших (депривированных) слоев населения,

деклассированных элементов и люмпенов. При этом пытаются оседлать два тренда: антиолигархические и авторитарные настроения.

Электорат партнер-солидаристов, в отличие от сторонников либертарианцев не претендует на то, чтобы решать свои проблемы самостоятельно, не пытается обособиться от центральной власти. Наоборот, именно власть воспринимается как субъект, который должен решать возникающие проблемы – и в сфере социальной защиты населения, и в сфере ЖКХ, и в сфере здравоохранения и образования. Именно власть должна решить вопрос наполнения бюджета и увеличения расходов на социальные нужды. Именно власть должна заставить олигархов наполнить бюджет, принудить их платить больше, обуздать коррупционеров.

Партнер-солидаристы активно разжигают антиолигархические настроения и одновременно, обещают найти управу на «миродов». В этой связи совершенно логичным выглядит то, что партнер-солидаристы – это партии вождистского типа. Эти политические силы в полной мере опираются на авторитарные настроения, эксплуатируют запрос на «сильную руку» - жесткого, волевого политика, способного навести твердый порядок в стране, не беспокоясь о правовых условностях.

Корпоративные солидаристы («Оппозиционный блок»)

Оппозиционный блок занимает достаточно пластичную позицию, нередко озвучивая критику, требования и предложения аналогичные тем, которые присутствует в риторике других политических партий. Эта политическая сила опирается на реставрационные ожидания тех, кто ностальгирует по «эпохе Кучмы» и «времени Януковича». В первом случае речь идет о периоде восстановительного роста 2000-2004 годов, когда корпоративный капитализм обеспечивал рост доходов населения и политическую стабильность в стране. Во втором случае, речь идет о достаточно краткосрочном периоде экономического и политического благополучия 2010-2013 года во время каденции Президента Януковича.

Сегодня корпоративные солидаристы рискуют повторить судьбу КПУ, которая эксплуатировала воспоминания о «золотом веке» СССР. Коммунисты были в Украине «вечной оппозицией», без значительных шансов стать партией власти. Однако нежелание модернизироваться в соответствии с современными реалиями, в конечном итоге привели к тому, что эта политическая сила исчезла с политической арены.

Сегментация электората в условиях новой политической архитектуры

Результаты электоральных опросов дают возможность определить, какая часть избирателей поддерживает определенную политическую силу в условиях формирования новой политической архитектуры (см. таблицу на следующей странице).

- Традиционалисты-консерваторы:** Блок П.Порошенко «Солидарность», «Народный фронт», Партия Владимира Гройсмана «Совесть Украины», «Наш край» и т.д. На сегодняшний день указанные партии по разным данным имеют суммарно 12-14% сторонников (среди тех, кто придет голосовать). Однако следует учитывать, что на фоне кризиса доверия к власти, отношение к П.Порошенко, В.Гройсману, А.Яценюку неуклонно ухудшается. **Можно прогнозировать, что к концу 2016 года уровень электоральной поддержки указанных партий суммарно будет составлять не более 10%.** Вместе с тем, нельзя исключать, что власть пойдет на изменение закона о выборах и парламент примет принцип «открытых списков». В этом случае «партия власти» получит целый ряд преимуществ. Во-первых, избиратель будет больше ориентироваться на персону кандидата, а не на его партийную принадлежность (партийный бренд). При этом представители местной власти пользуются большим доверием, чем Президент и Премьер-министр. Во-вторых, результаты голосования по «открытым спискам» сложнее прогнозировать, а потому легче фальсифицировать. В-третьих, «открытые списки» дают больше шансов для прохождения во власть представителям местных элит, баллотирующихся от «малых партий» — «Наш край», «Видродження», «Сила людей» и т.п. Кандидаты от таких партий могут получить негласную поддержку власти на выборах в тех округах, где отношение к БПП особенно негативное. Депутаты этих партий впоследствии могут пополнить депутатский ресурс Порошенко в парламенте.
- Либертарианцы-автономисты:** партии «Самопомич», Партия Михеила Саакашвили, «Гражданская позиция», «Демократический альянс». На сегодняшний день указанные партии по разным данным имеют суммарно от 16 до 21% сторонников (среди тех, кто придет голосовать). При этом пока неизвестно, как изменился уровень поддержки партии «Демальянса» после прихода в него С.Лещенко и М.Найема. Есть основание прогнозировать, что электоральный сегмент либертарианцев будет увеличиваться, прежде всего, за счет тех, кто разочаровался в Порошенко (за счет сторонников БПП).
- Партнер-солидаристы:** ВО «Батькивщина», Радикальная партия О.Ляшко, ВО «Свобода». На сегодняшний день указанные партии по разным данным имеют суммарно 24-26% сторонников (среди тех, кто придет голосовать). Есть основание прогнозировать, что электоральный сегмент партнер-солидаристов будет увеличиваться за счет тех, кто разочаровался в Порошенко (за счет электората БПП), а также за счет сторонников малых партий, теряющих популярность (например, «Правый сектор»).
- Корпоративные солидаристы:** «Оппозиционный блок». На

сегодняшний день указанная партия по разным данным имеет от 12 до 16% сторонников (среди тех, кто придет голосовать). Можно прогнозировать, что до конца года уровень поддержки партии может повыситься на фоне углубления кризиса власти, усиления протестных настроений, а также общего повышения политической активности. (Приближение внеочередных парламентских выборов стимулирует респондентов определяться со своим электоральным выбором. Таким образом, у многих партий синхронно увеличивается уровень электоральной поддержки).

Готовность проголосовать за определенную партию на парламентских выборах: июнь-июль 2016 г.

	ЦСИ «София» ¹		Группа «Рейтинг» ²		Центр Разумкова ³	
	Среди всех опрошенных	Среди тех, кто «обязательно» будет голосовать	Среди всех опрошенных	Среди тех, кто будет голосовать	Среди всех опрошенных	Среди тех, кто будет голосовать
Партія «Опозиційний блок»	9,9	15,6	10	14	9,2	12,3
ВО «Батьківщина»	9,4	11,8	9	14	9,0	12,2
Блок Петра Порошенка «Солідарність»	8,4	13,2	7	11	7,1	10,2
Об'єднання «Самопоміч»	6,1	8,5	5	9	8,3	11,3
Радикальна партія Олега Ляшка	6,5	8,6	5	8	6,6	9,0
Партія Міхеїла Саакашвілі*	4,3	5,2	2	3	4,0	4,9
ВО «Свобода»	3,1	4,8	3	4	2,3	3,1
Партія «Громадянська позиція»	2,1	2,5	2	3	3,9	4,9
Партія «УКРОП»	1,2	1,0	2	2	1,0	1,5
Партія Володимира Гройсмана «Совість України»	1,2	1,3	-	-	-	-
Партія «Народний фронт»	0,4	0,4	1	1	1,5	1,9
Національний рух «Державна ініціатива Яроша (ДІЯ)»	0,8	1,2	1	1	-	-
Партія «Правий сектор»	0,9	1,8	1	1	0,7	1,0
Партія «Союз лівих сил»	0,5	0,9	-	-	-	-
«Ліва Опозиція» у складі КПУ і ПСПУ	0,5	0,7	1	1	2,1	3,0
Партія «УДАР Віталія Кличка»	0,3	0,6	-	-	-	-
Партія «Наш край»	0,6	0,6	1	1	0,8	1,0
Партія «Відродження»	0,6	0,9	1	2	1,1	1,6
Партія простих людей С.Капліна	0,5	0,2	1	1	0,5	0,6
Другая партія	2,2	2,4	3	5	7,4	8,9
Проголосую против всех	5,1	4,0	-	-	-	-
Затрудняюсь ответить / не знаю	14,6	13,8	19	19	14,4	12,6
Не буду участвовать в голосовании	20,8	-	26	-	20,1	-

* В гипотетическом бюллетене Центра имени А.Разумкова фигурировала партия под названием «Рух за очищення» с указанием имени лидера – Михеїла Саакашвілі. Отметка «-» означает, что данная альтернатива не фигурировала (не использовалась) в анкете. Отметка «...» означает, что данные по этой альтернативе отсутствуют (не представлены социологической службой).

Примечания

1. Опрос проводился **Центром социальных исследований «София»** с 29 июня по 8 июля 2016 г. во всех административных областях Украины. На территории Донецкой и Луганской областей опрос проводился на территории, контролируемой официальными властями Украины. В Крыму опрос не проводился. Всего было опрошено 2001 респондент в возрасте от 18 лет и старше. Выборка репрезентирует взрослое население Украины по основным социально-демографическим признакам: пол, возраст, тип населенного пункта и регион проживания. Выборочная совокупность - многоступенчатая случайная, на последнем этапе - квотная (использовался «маршрутный метод»). Метод проведения опроса – индивидуальное интервью «лицом к лицу» по месту проживания респондента (на дому). Статистическая погрешность не превышает 2,2%.

2. Опрос проводился **Социологической группой «Рейтинг» по заказу Международного Республиканского Института** с 28 мая по 8 июня 2016 г. во всех административных областях Украины. На территории Донецкой и Луганской областей опрос проводился на территории, контролируемой официальными властями Украины. В Крыму опрос не проводился. Всего было опрошено 2400 респондентов в возрасте от 18 лет и старше. Выборка репрезентирует взрослое население Украины по основным социально-демографическим признакам. Метод проведения опроса – индивидуальное интервью «лицом к лицу» по месту проживания респондента (на дому). Статистическая погрешность не превышает 2,0%.

3. Опрос проводился **Центром имени А.Разумкова** с 16 по 21 июня 2016 г. во всех административных областях Украины. На территории Донецкой и Луганской областей опрос проводился на территории, контролируемой официальными властями Украины. В Крыму опрос не проводился. Всего было опрошено 2016 респондентов в возрасте от 18 лет и старше. Выборка репрезентирует взрослое население Украины по основным социально-демографическим признакам. Метод проведения опроса – индивидуальное интервью «лицом к лицу» по месту проживания респондента (на дому). Статистическая погрешность не превышает 2,3%.